

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Революция. Женское лицо

К 150-летию
А.М. Коллонтай

Сборник докладов
научной конференции
Санкт-Петербург.
31 марта 2022 г.

РОСПЭН
Москва
2022

Ю.И. Мошник

**«МНЕ ВСЕ СНИТСЯ КУУЗА».
УСАДЬБА ФИНЛЯНДСКИХ ПРЕДКОВ
А.М. КОЛЛОНТАЙ ПОД ВЫБОРГОМ**

Ключевые слова: А.М. Коллонтай, Кууса, Мравинские, Масалин, усадьба, жалованные земли, Карельский перешеек.

Аннотация. В своих воспоминаниях А.М. Коллонтай писала, что ее дедом по материнской линии был «финский крестьянин», разбогатевший на торговле лесом. Однако коллежский советник Александр Масалин принадлежал к старому роду, прослеживаемому с начала XVII в., и имел потомственное дворянство. В 1837 г. он приобрел обширное имение Кууса под Выборгом с деревянным усадебным домом в стиле ампир, где Шура Домонтович в детстве проводила летние месяцы. Именно отсюда, со знакомства с жизнью финляндской усадьбы и деревни и с чтения книг в дедовской библиотеке, начался ее «путь в революцию». В послевоенные годы в усадебном доме разместился пионерский лагерь, а к столетию со дня рождения А.М. Коллонтай перед ним был установлен бюст первой женщины-министра. В 2006 г. заброшенное здание полностью сгорело.

Ju.I. Moshnik

**“I KEEP DREAMING ABOUT KUUZA”.
THE MANOR OF ALEXANDRA KOLLONTAI’S
FINNISH ANCESTORS NEAR VYBORG**

Keywords: A.M. Kollontai, Kuusa, Mravinsky, Masalin, estate, granted lands, Karelian Isthmus.

Abstract. In his memoirs, A.M. Kollontai wrote that her maternal grandfather was a “Finnish peasant” who made his fortune in the timber trade. However, the Collegiate Councillor Alexander Masalin came from an old family, traced back to the beginning of the 17th century, and belonged to hereditary nobility. In 1837, he purchased the vast Kuusa estate near Vyborg with an Empire-style wooden manor house, where Shura Domontovich spent the summer months as a child. It was from here, from her acquaintance with the life of the

Finnish estate and village and from reading books in her grandfather's library, that her "path to the revolution" began. In the postwar years, a pioneer camp was located in the manor house, and by the centenary of the birth of A.M. Kollontai in front of it was erected the bust of the first female minister. In 2006, the abandoned building burned down completely.

Своим происхождением и самыми яркими детскими впечатлениями Александра Михайловна Коллонтай была связана с Выборгской губернией Великого княжества Финляндского. Ежегодно ее семья (она с родителями, старшие сестры и брат) летние месяцы проводили в усадьбе Кууса¹, принадлежавшей ее матери, Александре Александровне Домонтович-Мравинской, урожденной Масалин. Усадьба располагалась на Карельском перешейке, в 80 км к северу от Санкт-Петербурга, в волости Муола Выборгской губернии. Ныне это поселок Климово Выборгского района Ленинградской области.

Особое отношение Александры Михайловны к этому месту, ее летнему детскому парадизу, подтверждают многочисленные упоминания Куусы в письмах, дневниках и в мемуарной прозе. «...Как я любила сентябрь в Куузе! Кажется, это был мой любимый месяц! И эти холодные лунные ночи, и запах осени, и паутинки, и росистая мгла по утрам... Никогда и нигде так не работалось, как там, у окна с видом на мирные поля, далекую кирху и милую, журчащую Кантеле². Кланяйся финляндской осени, скажи, что я тоскую о ней и люблю, как любят воспоминание о первой любви»³, – писала Коллонтай Т.Л. Щепкиной-Куперник в 1911 г. Той же Татьяне Львовне, своей ближайшей подруге, Александра Михайловна сообщает в 1916 г. о том, что начала работать над воспоминаниями: «Писала с упоением о Куузе, о старом доме с белыми колоннами, ...о говорливой речке с мшистым, нахмуренным камнем, о девочке-бунтарке... О далеком, о прошлом, чужом и близком...»⁴.

К этому времени Коллонтай уже давно не бывала в Куусе, поскольку после смерти матери имение унаследовала не она, а ее стар-

¹ Здание усадьбы Kuusaa или иначе Kuusanhoivi располагалось между двумя населенными пунктами Ala- и Ylä-Kuusa (Нижняя и Верхняя Кууса) в волости Muola. Как и многие русскоговорящие жители этих мест, А.М. Коллонтай «озвончала» глухую «с» в названии, поэтому в своих воспоминаниях и дневниках дедовская усадьба называется «Куузой».

² Кантеле – река Kannilanjoki, совр. назв. Пчелинка.

³ Коллонтай А.М. «Революция – великая мятежница». Избранные письма 1901–1952. М.: Советская Россия, 1989. С. 77–78.

⁴ Там же. С. 144.

шая сестра Евгения Константиновна Мравина (Мравинская). Тем не менее и в 1920-х, и в 1930-х гг. она в дневниках вспоминает о своем финляндском детстве. Августовский вечер 1923 г. в Мексике «пахнет Куузой». О Куусе напоминает запах цветущих колокольчиков и донника в Норвегии в 1928-м, запах фиалок в Стокгольме в 1930-м: «Каждый год, когда я вдыхала их запах, закрывала глаза и видела себя в дни юности и обязательно в Куусе. От этого запаха прежде рождалось сладкое беспокойство. Не то грусть о прошлом, о Куусе, о юности, не то ожидание чего-то нового, еще не испытанного»¹. В шведском санатории в 1934 г. Александра Михайловна любителюется ночным небом – и опять мысли ее уносят в прошлое: «Большая Медведица! Обрадовалась я ей, как старой знакомой. Созвездие Медведицы ведь это моя молодость, это терраса большого куузовского дома с колоннами, где в редкий теплый августовский вечер... собиралась вся семья Домонтовичей»².

Подобных воспоминаний о самом счастливом и безмятежном у Коллонтай много. Важная особенность этих записей – это связь с семьей и семейной историей, причем не только с матерью, но и с отцом, который любил Куусу, кажется, больше чем Кудровку, имение своих родителей, и в год рождения дочери Александры высадил в усадьбе своей жены целую березовую рощу. Но особенно важна в воспоминаниях о Куусе фигура деда, отца матери. Белый дом с колоннами для Коллонтай – это «дедовский дом», на его втором этаже «дедовская библиотека», вокруг него – дедовский старый парк, дедовские кусты крыжовника и самая сладкая садовая земляника. Отец ее матери умер задолго до рождения Александры Михайловны, в 1859 г., пятидесяти лет, но именно о нем, а не о деду с отцовской стороны (его Коллонтай тоже не знала) она напишет в своих мемуарах.

Если точнее, то в самых ранних записках мемуарного характера Коллонтай говорит только о сословном происхождении матери. «Родилась я в 1872 году и выросла в семье помещичье-дворянского быта. Отец мой был русский генерал, украинец родом. Мать – финляндская уроженка, из крестьянской семьи. Детство и юность провела в Петербурге и Финляндии»³, – сообщает она в биографическом

¹ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940: В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2001. С. 475.

² Там же. Т. 2. М.: Academia, 2001. С. 268.

³ Коллонтай А. Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 261.

очерке, опубликованном в 1921 г. в журнале «Пролетарская революция». Позднее в мемуарах, написанных в 1920-х гг., Коллонтай расскажет о семье матери подробнее: «Она была дочерью простого скупщика и продавца леса из Финляндии. Дедушка был сыном бедного финского крестьянина, близ Нейшлота. Восемнадцатилетним юношей он, как мне рассказывали, босиком пришел в Петербург и начал заниматься скупкой и продажей леса жителям Петербурга и государственным учреждениям. <...> По-видимому, дедушка, которого звали Александр Масалин, был энергичным и предприимчивым человеком. Он быстро сумел сколотить себе состояние на поставках леса. Женившись на русской девушке Крыловой, он вернулся в Финляндию, где на Карельском перешейке купил себе усадьбу и построил чудесный деревянный дом в стиле Александра I, с белыми колоннами и вышкой, – дом, напоминающий декорацию первого акта “Евгения Онегина”. В доме были художественные паркетные полы. Архитекторы из Петербурга и Выборга приезжали смотреть на них»¹.

Повествование Александры Михайловны столь убедительно, что ни у одного русскоязычного биографа Коллонтай не возникло сомнений в достоверности этих семейных преданий, подкрепленных ссылками на рассказы матери. Вместе с тем, история эта представляется совершенно невероятной. Непросто поверить в то, что дочь обычного финского крестьянина, явившегося в Санкт-Петербург босяком (пусть красивая, при деньгах и даже с ложей в итальянской опере), смогла выйти замуж за генерала, польского дворянина Константина Мравинского, затем развелась с ним и вышла замуж второй раз – теперь уже за полковника, быстро продвигающегося по службе Михаила Домонтовича, гордившегося своим древним родословием. Удивительно, что такой двойной мезальянс не подтолкнул биографов Коллонтай к тому, чтобы разобраться в ее финляндской родословной. В 2010-х гг. эту работу проделали исследователи из Финляндии².

Исследовательница женской дворянской повседневности А.В. Белова предполагает, что в воспоминаниях Коллонтай акцент на «со-

¹ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М.: Советская Россия, 1974. С. 20.

² Пааскоски Ю. Финские корни Александры Коллонтай // Александра Коллонтай и Финляндия. Доклады научного семинара / под ред. Т. Вихавянена, Е. Хейсканена. Хельсинки: Renvall institute, 2010. С. 22–30; *Katainen E. Vapaus, tasa-arvo, toverillinen rakuus. Perheen, kotitalouden ja avioliiton politisointi suomalaisessa kommunistisessa liikkeessä ennen vuotta 1930.* Helsinki: Hansaprint, 2013. S. 63–64.

циальных различиях» сделан умышленно, поскольку хорошо известно, что по российским законам в браке с дворянином женщина иного происхождения становилась дворянкой¹. Иными словами, стратегия мемуаристики заключалась в том, чтобы ее дворянское происхождение было смикшировано принадлежностью к низшим классам. Тут хочется вспомнить знаменитое начало «Автобиографии» С.М. Эйзенштейна: «Не могу похвастать происхождением. Отец не рабочий. Мать не из рабочей семьи»². Александре Михайловне, генеральской дочери, конечно, было труднее «хвастать происхождением», чем сыну гражданского инженера. Но финляндские корни матери и туманность этой родословной линии давали ей возможность конструировать анкету по собственному усмотрению. И Коллонтай эту возможность не упустила.

Тем не менее, сохранившиеся в архивах России и Финляндии документы и адрес-календари позволяют нам прояснить некоторые сведения, связанные с родословием А.М. Коллонтай³. Фамилия ее деда по матери Масалин, известна с XVII в. Прапрадед Коллонтай, Хенрик Масалин, в 1770-х гг. был коронным фогтом и земским комиссаром в Руоколахти в Выборгской провинции. Его сын Фредрик (на русской службе Федор Андреевич Масалин), коллежский асессор, в 1790-х гг. также служил земским комиссаром⁴, но в уезде Лапвеси. В 1801–1802 гг. Федор Масалин служил переводчиком в канцелярии Кюменнегородской провинции⁵.

Александр (Александр Федорович) Масалин родился 22 апреля 1809 г. в родовом имении Масалинов Сиитола в Руоколахти, в котором в свое время останавливалась Екатерина II во время своей поездки в Старую Финляндию. В метрической записи, сохранившейся в собрании Национального архива Финляндии и опубликованной на сайте Финляндского генеалогического общества, в графе о родителях записано: «коллежский асессор Фредрик Масалин и Ева-

¹ См.: Белова А.В. Письма А.М. Коллонтай и традиции «женского письма» в русской дворянской культуре // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (Тверь, 11 марта 2002 г.) / под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 179–199.

² *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: В 6 т. Т. 1. М.: Искусство, 1964. С. 72.

³ См. также: *Vermasvuori A. Masalin* // Uusi sukukirja III. Suomen Sukuseuran Julkaisuja. 20 / Toim. G. Soininen et al. Helsinki: Otava, 1952–1970. S. 30.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1798 г. Д. 51. Л. 27 об. – 28.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1801 г. Д. 49. Л. 13 об. – 14.

Кристина Винбляд»¹. Поскольку Александр был сыном чиновника 8-го класса, очевидно, что к потомственному дворянству Российской империи он принадлежал по праву рождения².

После смерти Федора Андреевича семья обеднела, и в 1827 г. Александр отправился в Петербург в поисках удачи и заработка. В 1835 г. он, служивший тогда в Департаменте герольдии Сената, женился на уроженке Риги Александре Дмитриевне Крыловой³. Его карьера чиновника сложилась удачнее отцовской: Александр Федорович быстро дослужился до чина коллежского секретаря, т.е. стал чиновником 6-го класса. В ЦГИА СПб. сохранилось личное дело А.Ф. Масалина – смотрителя богаделен Санкт-Петербургского городского общественного управления⁴. Вероятно, с 1830-х гг. он уже занялся лесоторговлей и преуспел, поскольку в 1837 г. Масалин приобрел у наследников президента Коммерц-коллегии, члена правления Александровской мануфактуры А.В. Ольхина, имение Кууса на Карельском перешейке.

Сформировавшееся еще в середине XVI в. имение в результате событий Северной войны осталось без хозяина и было причислено к тем обширным земельным владениям в Финляндии, которые Петр I жаловал своим приближенным и военачальникам в благодарность за ратные заслуги. В 1710 г. Кууса упомянута в числе пожалований первому русскому коменданту Выборга Г.П. Чернышеву⁵, после которого имение получил сменивший Чернышева в должности граф И.М. Шувалов, а в 1803 г. Кууса куплена у наследников последнего Ольхиным. По всей видимости, именно Ольхин построил в Куусе двухэтажный деревянный усадебный дом, оранжереи, мельницу и пивоварню, а также высадил фруктовый сад⁶. Сейчас уже невозможно понять, был ли ольхинский дом снесен Масалином, чтобы освободить место для нового строительства, или дом Масалина – только перестроенное и поновленное здание, возведенное бывшим владель-

¹ Ruokolhti syntyneet, 1806–1823 // Suomen sukuhistoriallinen yhdistys ry [website]. URL: <http://www.sukuhistoria.fi/sshy/sivut/HisKi-digiarkisto.php?bid=11521&pnum=30> (access date: 20.02.2022).

² Имя А.Ф. Масалина внесено в родословные списки дворянства (РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 607. Л. 776).

³ *Ratuszniak J.* Русские, финны, поляки? Этническая идентичность Семьи Александры Коллонтай // *Vade Nobiskum XIII* / Red. K. Banaś, R. Stasiak. Łódź, 2014. S. 263.

⁴ Центральный государственный исторический архив СПб. (ЦГИА СПб.). Ф. 215. Оп. 2. Д. 17.

⁵ *Haltsonen S.* Kuusan lahjoitusmaamuseo // *Kaukomieli*. 1937. № VIII. S. 5.

⁶ *Ibid.* S. 7.

цем. Бесспорно лишь, что усадебный дом в Куусе был устроен по вкусу нового хозяина имения, который добавил в поле треугольного фронтона «дома с белыми колоннами» гербовый щит со своими инициалами «А.М.» Этот герб, украшавший здание вплоть до середины 1930-х гг.¹, т.е. даже десятилетия спустя после кончины Александра Федоровича, хорошо виден на многочисленных фотографиях усадебного дома Кууса. Не помнит его Александра Михайловна, конечно, не могла, а потому ее воспоминания о деде – «финском крестьянине» не могут быть объяснены незнанием собственной родословной.

Мать Коллонтай, Александра Александровна, унаследовала Куусу после смерти отца в 1859 г.², и с тех пор почти ежегодно проводила здесь летние месяцы с семьей. В 1880-х гг. Домонтовичи-Мравинские проводили в своем финляндском имении значительную часть года, поскольку бывший муж Александры Александровны, Константин Мравинский был осужден по подозрению в причастности к «Народной воле», и семья сочла за лучшее укрыться в Финляндии от светских сплетен и слухов³. После продажи нескольких принадлежавших к имению участков земли в 1871 г.⁴, площадь имения составляла более 2000 туннландов земли или 973 га⁵: лес, пахотные земли, сенокосные луга, озера, река. В 1888 г. генеральша Домонтович построила недалеко от усадебного дома водяную мельницу.

Именно в эти годы общение Шуры Домонтович с местным населением заставило ее задуматься о социальном неравенстве. То, что в своих воспоминаниях, описывая усадебный дом в Куусе, Коллонтай упоминает первый акт «Евгения Онегина», по-видимому, неслучайно. Работавшие в 1930-х гг. на территории жалованных земель Карельского перешейка этнографы записали воспоминания старожилов, которые, среди прочего, вспоминали о том, как крестьяне водили хороводы и плясали перед усадебным домом Кууса, развлекая

¹ Kuusan kartano // Hämeen Sanomat. 1936. № 104. Toukokuu, 7. S. 3.

² Формально владельцем имения стал ее первый муж Константин Иосифович Мравинский. По этой причине Кууса после кончины Александры Александровны стала владением рода Мравинских, т.е. ее старших детей, а не Домонтовичей (т.е. младшей дочери Александры).

³ Пааскоски Ю. Александра Коллонтай и усадьба Куусаа под Муола // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой международной научной конференции. СПб.: РХГА, 2003. С. 68.

⁴ Katainen E. Op. cit. S. 64.

⁵ Helsingin Sanomat. 1918. № 91. Kesäkuu, 22. S. 1; Kuusan kartanon päärakennus ja ikivanha puisto // Karjala. 1936. № 172. Toukokuu, 7. S. 5.

«poljkoiniekkа» (полковника)¹ Масалина и его семью² – совсем как ларинские крепостные. Можно предположить, что юная Шура тоже была слышана об этих барских развлечениях, и они не вызывали у нее умиления. Ее общение с прислугой в Куусе и местными деревенскими жителями велось, вероятнее всего, в основном на русском языке, которым многие здешние крестьяне владели. Тем не менее, хорошо говорившая по-французски, по-немецки и по-английски Шура здесь начала учить шведский и финский языки: первым она овладела в совершенстве, второй освоила достаточно хорошо³.

Генеральша Домонтович скончалась в 1900 г., оставив наследниками Куусы свою старшую дочь, оперную певицу Евгению Константиновну Мравину, и ее супруга Людвиг Лаврентьевича Корибут-Дашкевича. После кончины матери Александра Михайловна в Куусу приезжала редко – в последний раз, видимо, в 1902 г. (об этом приезде она упоминает в одном из писем Элне Садениус). После кончины Евгении Константиновны усадьба Кууса была поделена между наследниками. Так, в ноябре 1915 г. свою долю в имении – $\frac{1}{8}$ часть – получил племянник бывшей владелицы, сын Александра Константиновича Мравинского Евгений, будущий знаменитый дирижер⁴. В 1918 г. Людвиг Лаврентьевич продал Куусу коммерсанту Матти Саволайнену⁵. Сделка была плохо подготовлена, и за ней последовала многолетняя тяжба, во время которой Кууса до 1923 г. пять раз выставлялась на аукцион, что дало повод для ехидных стишков Яльмара Хеллстрема, начинавшихся словами «Усадьба Кууса меняет владельца каждый год, да только от перемены хозяев фасон не меняется»⁶. Семья Саволайнен владела имением до

¹ Гражданский чин коллежского советника соответствовал чину армейского полковника.

² *Penmanen O. Lahjoitusmaaelämä Kansa muistietouden kuvastamana // Karjala. 1939. № 231. Elokuu, 29. S. 12; № 232. Elokuu, 30. S. 9.* Впрочем, крестьяне уважали А.Ф. Масалина и вспоминали, как тот заботился о жителях деревни, покупая для них семена в Петербурге. Кроме того, на средства деда Коллонтай были в 1852 г. приобретены алтарные иконы для храма в Муола, написанные одним из масалинских крестьян (Aamulehti. 1908. № 187. Elokuu, 15. S. 3).

³ Впоследствии с финскими политиками и деятелями культуры А.М. Коллонтай разговаривала, в основном, по-шведски и по-немецки.

⁴ *Долганова А.В. История семьи Мравинских по документам ЦГИА СПб. // Музыкальное наследие Петербурга: проекты по сохранению и популяризации: Материалы XIV научно-практической конференции по информационным ресурсам петербурговедения, 11–12 марта 2021 г. СПб.: Центр. Гор. публ. б-ка им. В.В. Маяковского, 2021. С. 69.*

⁵ *Kuusan hovista ja sen vaiheista // Maakansa. 1933. № 217. Syyskyy, 23. S. 5.*

⁶ *Suomen asianajajaliiton äänenkannattaja. 1926. № 11–12. S. 45 (347).*

1936 г., когда его выкупило государство и в усадебном комплексе был организован Музей жалованных земель¹. Сохранившиеся фотографии 1930-х гг. свидетельствуют о том, что местное население собиралось на поляне перед бывшим масалинским домом в дни праздников и после церковных служб.

Для Александры Коллонтай, казалось, воспоминания о счастливом финляндском детстве и юности остались в далеком прошлом. Однако события Зимней войны заставили ее вновь испытать горечь об утраченном и страх за судьбу любимого места. До ее начала, когда еще продолжались советско-финские переговоры в Москве, 10 октября 1939 г. она записала в дневнике: «На днях Густав Меллер сказал мне, что Москва предлагает, чтобы новая пограничная линия прошла по округу Муола, захватив Красное Село (Кюреле), где еще Петр Первый поселил русских крестьян и где имеется православная церковь. В ней венчались мои родители. Близко от Кюреле усадьба дедушки Куусанхови. Перечисление этих знакомых с детства названий заставило мое сердце сжаться. Неужели война коснется этих мирных мест, насыщенных воспоминаниями детства и юности? Неужели сгорит старый дедушкин дом и срубят тенистый парк?!»². Еще одна запись относится к декабрю 1939 г., к периоду разгара боевых действий: «На Карельском перешейке идут бои. В газетах то и дело мелькают названия местечек и дорог, знакомых мне с детства: Кюреле, Пелекелле, Куузанхови – Кууза (усадьба дедушки), дом с белыми колоннами. Вся моя юность там... И все спалят отряды нацистов?! Мне больно. Я ненавижу эту войну!»³. Запись, сделанная в конце января, после того, как войска Красной армии продвинулись к Выборгу, свидетельствует о том, насколько важным для Александры Михайловны было сохранение материального мира, связанного с ее финляндским детством: «Уцелела ли усадьба, белый дом с колоннами, парк с липовой аллеей и березовая роща, что в год моего рождения своими руками посадил мой отец? О каких пустяках вспоминаю перед лицом великой трагедии войны...»⁴.

Спустя месяц Коллонтай вела дипломатические переговоры о возможности и условиях заключения мира. Неожиданным образом ее многолетняя связь с Финляндией и финские предки стали аргументом, который должен был подтвердить ее способность понять

¹ Lahjoitusmaamuseo perustettu // Uusi Suomi. 1936. № 312. Marraskuu, 17. S. 5.

² Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 461.

³ Там же. С. 473.

⁴ Там же. С. 490.

трагедию потери Выборга Финляндией и сочувствовать ей. Убеждая лидера социал-демократической партии Финляндии В. Таннера принять необходимость территориальных уступок, Коллонтай, по ее словам, даже «упомянула моего дедушку, финского крестьянина и его усадьбу Куузанхови, где я провела свое детство и юность»¹.

Усадебный дом в Кууса пережил и эту, и следующую войну, во время которой он (с августа 1941 г. по весну 1944 г.) служил финским военным госпиталем. Фотографии из собрания Архива Сил обороны Финляндии свидетельствуют о том, что в бывших жилых комнатах, а позднее – музейных залах, теперь разместились операционные и палаты для раненых. Само здание почти не пострадало, утрачен был только пышный цветник перед ним.

В послевоенный период здание пустовало недолго. Поначалу в нем была устроена школа, а затем – пионерский лагерь ленинградского завода «Пирометр». Необыкновенно красивый деревянный дом, конечно, вызывал большой интерес. Выборгская районная газета писала о нем в 1967 г.: «Об этом здании среди местного населения ходят разные слухи, но мало кто знает, что его история связана с именами замечательных русских женщин: выдающейся русской оперной артистки конца XIX века Евгении Константиновны Мравиной, выступавшей на сцене Мариинского театра в Петербурге, и ее сводной сестры, видного деятеля Коммунистической партии Александры Михайловны Коллонтай»², и повторяла ставшую официальной версию о принадлежности деда Коллонтай (в статье он назван Масниным) к финскому крестьянству. В 1972 г., к 100-летию А.М. Коллонтай, перед зданием усадьбы был установлен ее бюст, а на его стену помещена мемориальная доска³. В одной из комнат открылся музей, посвященный Коллонтай. Сообщалось, что арендаторы (завод «Пирометр») якобы поддерживают в здании «обстановку, какой она была во время пребывания А.М. Коллонтай». Это, конечно, не могло быть так, однако очевидно, что за сохранением интерьеров усадебного дома и архитектурного убранства тщательно следили. Это подтверждают и фотографии 1970-х гг. Территория вокруг дома была благоустроена, вокруг бюста Коллонтай, на историческом месте, располагался большой круглый цветник. В приусадебном парке сохранялись старые деревья. Постановлением Совета министров РСФСР от 4 июля 1974 г. дом в п. Климово «был отнесен к памятни-

¹ Там же. С. 509.

² Григорьева А. Дача в Климове // Выборгский коммунист. 1967. 12 ноября. С. 3.

³ Стрелков И. Дача Кууза // Выборгский коммунист. 1972. 16 марта. С. 3.

кам государственного значения... Исполком Выборгского районного Совета народных депутатов обязал руководство завода произвести капитальный ремонт дома с тем, чтобы сохранить этот исторический памятник для потомков»¹. Любопытно, что в охранных документах и публикациях советского времени здание усадьбы называется «дачей», вероятно, из желания не «компрометировать» А.М. Коллонтай принадлежностью к семье крупных землевладельцев.

Трагический для многих российских архитектурных памятников постсоветский период оказался фатальным и для Куусы. В 1997 г. дом в Климове исключили из охранных списков². С этого времени начался процесс быстрого разрушения здания, завершившийся пожаром 28 мая 2006 г., в котором любимый дом Александры Коллонтай сгорел дотла. В наши дни о нем напоминают лишь фрагменты каменного фундамента.

¹ Саенко А. Дом в Климове // Выборгский коммунист. 1978. 25 июля. С. 3.

² Указ президента Российской Федерации от 05.05.1997 № 452.